

- ⁸ *Thrainn Eggertsson*. *Economic Behaviour and Institutions*. Cambridge, 1990. P. 308.
- ⁹ *Becker G. S., Stigler G. J.* *Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers* // *The Journal of Legal Studies*. Vol. 3, № 1 (Jan., 1974). P. 1–18. Chicago, 1974.
- ¹⁰ Обычное убийство (killing), по Фридману, в Исландии было гражданским правонарушением и, как правило, заканчивалось выплатой вергельда – в отличие от «подлого убийства» (murder), где преступник становился легальной целью охоты, будучи объявлен вне закона. Различия между ними лежали в плоскости, скорее, публичной. Законы Гулатинга 1274 г. сообщают о подобном разделении так: «Убийца не должен проходить мимо трех усадеб от того места, где было совершено убийство, не заявив об убийстве, если только там не живут родичи убитого до четвертого колена или ближе, или свояк, или другие родичи убитого, которые, по этим причинам, могут угрожать его жизни. А если он не заявит так об убийстве, тогда у него права убийцы, и лишится имущества и мира». Законы Гулатинга, IV.12. URL: <http://norse.ulver.com/other/landslov/chapter4.html> (дата обращения: 12.03.2014).
- Очень сложно подобрать русские аналоги в данном случае – российская концепция права проводит границу по другим критериям (умысел, отягчающие обстоятельства et cetera).
- ¹¹ Сага о Ньяле, LXXIII. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/njala/ru.html> (дата обращения: 21.04.2014).
- ¹² *Friedman D.* Op. cit.
- ¹³ В данном случае слово «производить» отнюдь не случайно. Либертарианство рассматривает законы как
- некую разновидность товаров и услуг, которые, таким образом, вполне могут производиться.
- ¹⁴ *Friedman D.* Op. cit.
- ¹⁵ *Birgir Runolfsson Solvason*. *Ordered Anarchy, State and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930–1262*. URL: <https://notendur.hi.is/~bthru/contents.html> (дата обращения: 01.05.2014).
- ¹⁶ Что ещё и не соответствует действительности: Рейган раздул государственный аппарат и увеличил стоимость его содержания.
- ¹⁷ *Diamond J.* *Living on the Moon*. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/may/23/living-on-the-moon> (дата обращения: 12.03.2014).
- ¹⁸ *Long R. T.* *Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?* URL: <http://archive.lewrockwell.com/orig3/long1.html> (дата обращения: 14.10.2013).
- ¹⁹ Дж. Даймонд известен как убеждённый географический детерминист.
- ²⁰ *Long R. T.* Op. cit.
- ²¹ *Whiston T.* *Medieval Iceland and the Absence of Government*. URL: <http://mises.org/daily/1121> (дата обращения: 14.04.2014).
- ²² *Kerekes C. B., Williamson C. D.* *Discovering Law: Hayekian Competition in Medieval Iceland* // *Griffith Law Review*. 2012, Vol. 2, is. 2. P. 432–447.
- ²³ *Хайек Ф. А. фон.* *Право, законодательство и свобода*. М., 2006. С. 357.
- ²⁴ См. напр.: *Mc. Sweeney T. J.* *Law and Fiction in Medieval Iceland: The Story in the Grágás Manuscripts*. URL: http://web.law.columbia.edu/sites/default/files/microsites/gender-sexuality/law_and_fiction_thomas_mcsweeney_abstract.docx. (дата обращения: 1.05.2014).

УДК 94(450.521).05+929[Дати+Кавальканти]

ГРАЖДАНИН И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ КОММУНА: ДВЕ ПОЛЯРНЫХ ПОЗИЦИИ В ИСТОРИОПИСАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

И. А. Краснова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: gorward_mail.ru

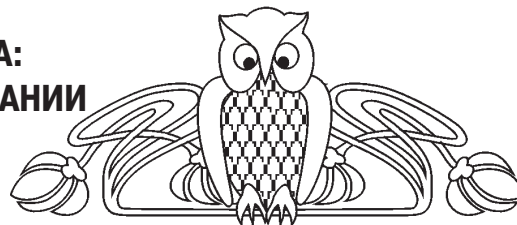
В статье рассматриваются две тенденции историописания Флоренции первой половины XV в.: апологетические хроники на примере «Истории Флоренции» Грегорио Дати и критическое направление в исторических произведениях Джованни Кавальканти. Прослеживается связь особенностей хроникального нарратива с переживанием авторами их социального статуса и личностным началом.

Ключевые слова: исторический нарратив, флорентийская коммуна, апологетические хроники, осуждение отечества.

Citizen and Florentine Commune: Two Polar Positions in Historiography in the First of a Half of the XV Century

I. A. Krasnova

In this article explored two trends of historiography Florence in the first of a half of the XV century: apologetic chronicles on example

of the «History of Florence» Gregorio Dati and critical direction in the historical works of Giovanni Cavalcanti. In work shows relation features of narrative of chronicles with the author's experiences of their social status and personal identity.

Key words: historical narrative, Florentine commune, apologetic chronicles, reprobation of fatherland.

Флорентийцы уже во второй половине XIII в. любили писать историю. Большинство горожан, под пером которых возникали исторические повествования, как правило, не подвергали этот процесс интеллектуальной рефлексии; действуя спонтанно, они почти никогда не озаглавливали свои произведения. *Cronica*, *Cronicetta*, *Diario* (дневник), *Ricordi* (воспоминания, памятные заметки) – названия, данные последующими публикаторами и эрудитами, которые в XVI–XVIII вв. обращались к памятникам «тосканского золотого наречия». Но сами авторы часто

выражали позитивные эмоции, предпринимая немалые труды по составлению хроник: «... мне очень приятно рассуждать о событиях, которые уже произошли и случились; и о тех, которые совершались в мое время, мне также сладостно рассказать и сообщить, что я участвовал в них, как и поговорить о времени, когда они вершились»¹. Что могло стать источником столь явно демонстрируемого удовольствия? Думается, ответ отчасти можно найти в схоластической традиции, известной гражданам Флоренции из морально-философских трактатов, использующих главным образом наследие Аристотеля, которые с XIII в. составлялись не только на латыни, но и на народном языке. Обращаясь к «Трактату о добродетелях и пороках» (*Libro de' Vizi e delle Virtudi*) Боно Джамбони², важно отметить в главе пятой, озаглавленной «О Благоразумии и его путях, первой добродетели», отчетливо постулируемую связь между Благоразумием (*Prudenzia*) и Памятью (*Memoria*): «Благоразумие есть добродетель, которая предрасполагает душу человека к истинному познанию добра и зла, к твердой воле следовать добру и отвергать зло, избегая его... И превосходит эта добродетель все другие, потому что человек отличается от животного только тем самым истинным познанием, которое уподобляет его ангелам. И различается добро от зла по пяти признакам, ... которые и есть добродетели, рождающиеся от Благоразумия, и они называются так: Хорошая память, Хорошее знание (*Buono conoscimento*), Хорошая предусмотрительность (*Buono provedimento*), Хорошее испытание, (*Buono esaminamento*) Хороший выбор (*Buona elezione*)»³. Итак, хорошая память трактовалась как первая добродетель благоразумия. В случае сомнений следовало устремиться к хорошей памяти и вспомнить какое-нибудь прошлое явление, подобное тому, относительно которого следовало принять решение и выяснить, каким путем шли тогда, чтобы достичь блага или зла. Боно Джамбони подчеркивал мудрость такого пути: «К этому способу прибегали древние мудрецы, поэтому... применяйте прошлые дела к настоящим и принуждайте себя держаться прямого и истинного пути»⁴. Таким образом, в труде историописания соединялись воедино благоразумие, память и мудрость. В 40-е гг. XV в. указанная схоластическая формула служила Джованни ди Симоне Кавальканти (1381–1451) для обоснования его длительных усилий по составлению истории Флоренции⁵.

Среди множества различных вариантов хроник и историй в городском обществе можно условно выделить три основных вида. Во-первых, фрагменты хроникальных нарративов, генетически восходящие к семейным книгам: часто они не отделялись от истории рода и политической деятельности автора и выглядели вставками, разрывающими монотонное перечисление имущественных сделок или описание всех пред-

ставителей фамильного древа⁶. Вторым видом можно считать многообразный ряд дневников, хроник и памятных записок, по большей части анонимных, посвященных одному событию или краткому временному периоду: в этом случае автор всегда выступал современником, если не участником событий⁷. Наконец, хроники Джованни Виллани, братьев Малиспини и Маркьонне Стефани ди Бонайути представляли попытку охватить протяженный исторический период от сотворения мира или основания Флоренции до событий, непосредственным свидетелем которых являлся автор⁸.

Начиная со второй половины XIII в. до середины XV невозможно говорить об официальных хрониках, составленных по заказу государства-коммуны, поскольку нет сведений о том, что авторы состояли на службе в качестве «штатных историков» при флорентийской Синьории. Выводы Франки Рагоне⁹, автора фундаментальной монографии «Джованни Виллани и его продолжатели», подтверждают наши предположения. В этой связи возникает необходимость исследовать побудительные мотивы к историописанию у каждого хрониста. Из целого ряда таких предпосылок выделяются вызовы быстро меняющегося социально-политического мира города-коммуны. Политическая система Флоренции отличалась высокой степенью публичной активности горожан, обусловленной сравнительно широким их доступом к коммунальным должностям (избиралось ежегодно до 5000 человек), быстрой сменяемостью (от 2 до 4 месяцев на городских постах), непрерывающейся предвыборной лихорадкой, в которой флорентийское общество пребывало около 200 лет. Поэтому для многих граждан составление хроники становилось формой выражения коммунальной идентичности.

С XIV в. в хроникальных текстах флорентийские сюжеты начинали выступать на первый план, отесняя биполярное видение мира как противостояние двух универсальных сил – папства и империи, более характерное для исторических нарративов XIII в.¹⁰ «Флорентинизм» обусловил две тенденции: появлялись апологетические повествования во славу Флорентийской коммуны и критические сочинения, в разной степени обличающие недостатки коммунального управления и пороки городского общества. Говоря о первой половине XV в., можно проследить продолжающиеся традиции той и другой формы представлений о флорентийской истории.

Восхваляющие коммунальное устройство мотивы, свойственные хроникам Джованни Виллани и братьев Малиспини, стали основной целью составления «Истории Флоренции» членом цеха изготовителей шелка Грегорио Дати (1362–1435)¹¹. Его хроника, охватывающая период с 1380 г. по 1406 г., написана, как полагают, в 1407–1408 гг. по свежим следам пережитых автором событий войны Флоренции с миланским

герцогом Джан Галеаццо Висконти (1389–1402). Важно отметить, что повествование Дати появилось более чем на 20 лет раньше «Истории Флорентийского народа» (1429–1433), написанной выдающимся гуманистом Леонардо Бруни Аретино. Исход длительной и мучительной для республики войны с Джан Галеаццо Висконти, который интерпретировался в официальных документах и хронике Дати, как победа Флорентийской республики, утверждающая превосходство республиканского народовластия над тираническим режимом Милана, на самом деле сомнителен, что отмечалось многими современниками и соотечественниками Грегорио Дати. Во многом судьбу военной кампании 1402 г. решил случай: почти скорострительная смерть (2 сентября 1402) герцога Джан Галеаццо. Знаменательно, что Дати вовсе не считал победу в этой войне случайной. Он не склонен был приписывать ее только божьей воле, несмотря на абсолютную убежденность в том, что провидение всегда действует на стороне флорентийцев¹².

По сведениям Дати, поражение Джан Галеаццо было неизбежным и заранее просчитанным купцами города на Арно, которые тщательно сверяли все статьи доходов и расходов миланского государства: «Ибо примечали во Флоренции, какие герцог имеет доходы..., и знали все издержки, которые он нес,... знали,... что его подданные были чрезмерно обременены великими налогами, поэтому очень неспокойны, и все шло к тому, что они могли стать его врагами, желая его крушения не менее чем флорентийцы». И «предвидели флорентийцы, что беспорядочные траты принесут ему великую опасность; поэтому очень многие делали расчеты с пером в руках и заявляли со всей достоверностью, сколько может его власть длиться, потому что знали дух его подданных;... обязательно должно случиться так, что Граф уничтожит сам себя, хотя он и не замечал приближения своего крушения, потому что умер до того как оно случилось»¹³.

Закономерность победы коммуны не ставилась под сомнение: по мнению автора, она обладала экономическим и политическим превосходством над государством-тиранией. Дати, в свойственном ему духе оптимистического провиденциализма, утверждал, что Господь Бог всегда будет союзником коммуны, воплощающей высшую справедливость социальных отношений и совершенство политического устройства: «Теперь начала Коммуна Флоренция протягивать руки к великим делам; теперь известны флорентийцы духом, нетерпимым к тирану, теперь следуют они прекрасным порядкам и совершают великолепные деяния»¹⁴. Но главная причина благосклонности небесного Синьора к Флоренции заключалась в «справедливом и великолепном управлении, которое Господь по своей милости... там вершит, царствует он и... наделяет людей своими добродетелями..., которыми отличалась

благоразумная Марфа, но городу свойствен также и жар милосердия»¹⁵.

Экономические преимущества республики обеспечивались торговой активностью ее граждан. Хроника Дати – истинный панегирик флорентийской торговле и купечеству, в котором автор видел основу могущества и процветания своего государства не только за счет стекающих в него прибылей, но и вследствие плотности информативного поля, создаваемого купцами и банкирами. Он заявлял: «Флорентийцы, число коих преумножалось, старались обеспечивать жизнь ремеслом (*industrie*), и для этого они шли за пределы своей земли искать других провинций и стран, где видели возможным затратить время, но добыть богатства и с ними вернуться во Флоренцию, и шли они так по всем государствам мира, христианским и неверным, и видели обычаи других наций, и приобретали привычку к странствиям, собирая со всех сторон цветы [прибыли]. И... вследствие этих обычаев, приходило к ним великое желание видеть и приобретать; и один передавал это желание другому, ибо тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в свое отечество с нажитым, он не будет иметь никакой репутации. Они... идут по миру с молодости, наживаясь, приобретая практику и добродетели, добрые нравы и богатства, и все вместе создавая сообщество известных и богатых людей, которым бы не было равных в мире...»¹⁶. Торгово-предпринимательская основа Флорентийской республики, освященная божьим промыслом, представлялась истоком всех ее успехов и добродетелей: «Те люди, которые живут в мире, в котором имеются все добродетели, есть флорентийцы, потому что у них творятся дела милосердия, проявляется любовь к ближнему и к бедным, а также праведность в почитании Церквей Божьих более, чем в других нациях»¹⁷. Флоренция прославлялась как торговый город-государство, обладавший наиболее совершенным, по мнению автора, республиканским устройством.

Несколько позже были написаны исторические произведения Джованни Кавальканти (1381–1451), мелкого рантье из очень древнего и знатного рода. Эти труды продолжали ряд критических повествований Дино Компаньи, Маттео Виллани, отчасти Маркьонне ди Коппо Стефани де Бонайути¹⁸. По части осуждения Флоренции особенно выделялись два его исторических сочинения – «Вторая история» или «Новый труд» и «Политико-моральный трактат»¹⁹.

Во «Второй истории» Кавальканти развертывал картину всеобщей развращенности нравов, понося пороки республиканского правления 1445–1447 гг., главным виновником которой он называл Козимо Медичи Старшего. Писатель осознавал, насколько теперешние его обвинения противоречили суждениям, высказываемым ранее в «Первых Флорентийских историях»,

в которых он возлагал столько упований на Джованни Медичи и его сына Козимо, называя последнего «божественным Козимо». Хронист заявлял о своем отношении к Козимо Старшему: «Не без суровых самому себе упреков взял я мое неприглядное перо, чтобы рассказать столько неприглядного о человеке, которому воздавал этим же самым [пером] во многих картах такие хвалы, а теперь возношу такие насмешки чернилами над его несправедливостью и отвратительной фальшью!»²⁰. Тем не менее, Филиппо набрасывал портрет правителя «неотесанного» (*rozzo*), «терзаемого дьявольским наущением» (*tentato da diabolica stimolazione*), побуждающим его отвергать справедливые законы в своих бесконечных «нудных речах», наполненных «лживыми аргументами»²¹. Автор сам признавался в том, что его труд скорее «злая сатира», нежели хроника: ради сатирической едкости он легко жертвовал объективностью и достоверностью. Позднейшие исследователи редко обращались к столь странному и беспорядочному произведению, характеризуя его, как правило, отрицательно. «Картина универсальной моральной развращенности, данная в *Seconda storia*, свидетельствует о близости автора к умственному расстройству, лишая эту причудливую работу любой исторической ценности», – так оценивает этот труд М. Грендлер²². А. Монти при всем желании дать более взвешенное суждение не мог признать этого опуса историческим сочинением в полном смысле этого слова: «Перед нами не столько работа собственно историческая, но располагающаяся на пол-пути между историей и моральным, дидактическим, политическим сочинением, прерывающимся методологическими отклонениями, анекдотами или своего рода “журналистикой”», – так пытался определить он жанр «Второй истории»²³.

В «Политико-моральном трактате» – сочинении, по структуре не являющемся хроникой, но скорее собранием исторических новелл, нацеленных на сопоставление флорентийских граждан, являющихся, с точки зрения автора, образцы доблестей и пороков, с героями и антигероями античной истории, Джованни Кавальканти утверждал регрессивную модель исторического развития Флорентийской коммуны. Он настойчиво разъединял последовательную «цепь времен» и преемственность в течении событий, стремясь передать «разрыв времен», отделяя излюбленную им эпоху 40–70-х гг. XIV в. (до восстания чомпи) от современного ему периода. От великого и блестящего прошлого Флоренции резко отделялось неприглядное и сурово порицаемое автором настоящее, ибо и «Новый труд», и «Политико-моральный трактат» содержали непримиримое осуждение современной автору Флоренции. Главными пороками современного ему общества автор считал «жадность и нелюбовь к отечеству»²⁴. Он предрекал скорое крушение Флоренции: «... если ваши сограждане не перестанут стараться,

насколько мне известно, превратить его [отечество] в гнездилище всяких мерзостей, то враждебные варвары будут призваны для разрушения ваших земель и людей. И... получится так, что, разорванные силами варваров, не останутся порочные уста безнаказанными... Желает Господь, чтобы вернулся твой дед, как суровый мститель за несправедливости по отношению к Коммуне, поскольку такие обманы и столько незаконно погубленных людей не должны оставаться без праведного отмщения»²⁵.

Своеобразие восприятия истории своей коммуны проявлялось в развитии двух тем, волнующих душу автора, – в сюжете о порочном и несчастном городе – медичейской Флоренции, которому суждена скорая кара, осмысливаемая иногда в виде божественного предопределения, за грехи его правителей²⁶. Вторую тему, развиваемую на страницах трактата, содержал рассказ о неблагодарном отечестве, ненавидящем и изгоняющем своих героев. В этом писатель не проявлял особой новизны, поскольку топос о «неблагодарной Флоренции» стал к его времени у хронистов и биографов общим местом. Оригинальность состояла лишь в подборе несправедливо пострадавших героев и их оценках²⁷.

Итак, двое современников с полярных позиций оценивали прошлое и настоящее Флорентийской коммуны. И в этом случае невозможно игнорировать их место в иерархии общества, степень успешности политической карьеры и особенности самоидентификаций в процессе переживания, связанного с изменениями своего социально-политического статуса.

Самые подробные сведения о жизненном пути Грегорио Дати изложены им самим в «Секретной книге»²⁸. Из этого источника выясняется, что Грегорио, сын члена одного из младших цехов, владельца трактира и, возможно, маленькой рыбной лавочки, окончив счетную школу «абако», пошел практиковаться в боттегу по производству шелка, затем вступил в старший цех Сета, где начал предпринимательскую деятельность практически с нуля. В 1384 г. он в первый раз вступил в компанию по производству шелка, но не имел в наличии трехсот флоринов взноса, которые отрабатывал личным участием в качестве служащего, в 1387 г. вошел во вторую компанию со взносом в 500 флоринов, в 1392 г. вложил в третью компанию 1000 флоринов и в 1395 г. основал собственную компанию вместе с братом, куда инвестировал 2000 флоринов²⁹. В собственной компании Дати освоил торговлю шелком в Испании, что приносило более значительные прибыли³⁰, но требовало недюжинной предпринимательской энергии и риска морских путешествий, в ходе которых сам Дати, а затем его брат попадали в плен к пиратам³¹. Грегорио Дати не входил в слой правящей олигархии, но активно участвовал в системе коммунального управления. Французский историк А. Монти

характеризовал его как «посредственного политика, не достигшего в политической карьере сколько-нибудь серьезного масштаба»³², и должности, на которые он чаще избирался, считались «младшими» и менее престижными³³. Но все же Грегорио гордился и «старшими постами», которые занимал в последние 25 лет своей жизни: в 1412 и 1430 гг. – гонфалоньер компании, в 1418 г. был избран в коллегия «Десять войны», в 1428 г. пребывал на высшей должности гонфалоньера справедливости³⁴. О достойном месте в обществе и признании в торгово-предпринимательской среде свидетельствовало бесперывное избрание его до конца жизни консулом цеха Сета. Грегорио полностью идентифицировал себя с коммуной и проводимой ею политикой, судя по демонстрации ответственного и серьезного отношения к исполняемым должностям³⁵.

Критические настроения Джованни Кавальканти нельзя отделить от горечи осознания понижения социального статуса: он называл себя «очень знатным, но очень бедным»³⁶. Этот выходец из старинного и знатного рода, давшего доблестных рыцарей, видных политиков и известных поэтов, был полностью отчужден от участия в управлении коммуной. Хроническая задолженность по уплате налогов стала причиной внесения его имени в списке должников коммуны (*Specchio*)³⁷. За всю жизнь он только единожды в 1422 г. был избран капитаном гвельфской партии. По кадастру 1427 г. Джованни Кавальканти числился как мелкий землевладелец, сохраняющий в собственности 4 небольших участка земли в контадо, в Монте Кальви и Валь ди Пеза. Он обязан был уплачивать 1 флор. 8 сольди в год – квота человека бедного, но не нищего. Беда заключалась скорее в том, что Джованни привык вести образ жизни типичного рантье: «Мне 46 лет, и я ничего не умею делать...», – писал он о себе самом³⁸; «Среди нас нет никого, кто мог бы делать что-либо... Мы босы, раздеты, и живем очень тяжелой жизнью», – заявлял он в очередной из своих петиций в Синьорию, прося о снижении долговых сумм³⁹. Ему пришлось 10 лет провести в долговой тюрьме Стинке и вместе с семьей постоянно обитать в маленькой вилле за городом, существуя на то, что давали небольшие участки земли. При этом нельзя отрицать довольно высокий интеллектуально-культурный уровень Джованни Кавальканти, хорошо разбиравшегося в античной истории, сведения о которой он черпал из переведенных на народный язык трудов и хрестоматийных компендиумов, широко распространенных с XIII в.⁴⁰

Знаменательно, что подобная ситуация характерна и для предшествующих Кавальканти хронистов, склонных акцентировать недостатки коммунального общества. Дино Компаньи был полностью отстранен от участия в публичной жизни после поражения и изгнания из Флоренции фракции Белых гвельфов (1302), к которой он

принадлежал⁴¹. Маттео Виллани в 1360 г. капитанами партии гвельфов был заподозрен в гибелинизме и подвергся судебному расследованию⁴². Маркьонне ди Коппо Стефани был ammonирован и выслан в 1387 г. из Флоренции вернувшись в 1382 г. из изгнания архигвельфами⁴³. В этой связи нельзя не признать известную правоту немецкого историка К. Вэйанда, утверждавшего, что одной из причин, побуждающих граждан Флоренции взяться за перо, являлись драматические обстоятельства их жизни или упадок социального статуса⁴⁴.

Вряд ли можно абсолютизировать такое заключение. Критика недостатков коммунального устройства найдется и в исторических нарративах, в которых ход исторического развития республики рассматривался как бесспорный прогресс. Но исследование влияния экономических и социально-политических условий жизненного пути автора на его творчество, важное в любом случае, особенно актуально для городского социума, в котором развивалось и все более давало о себе знать личностное начало.

Примечания

- 1 *Cronica volgare di anonimo fiorentino già attribuita di Giovanni Minerbetti*. A cura di E. Bellondi, pref. di D. M. Manni // *Rerum Italicarum scriptores*. Città di Castello, 1915. Т. XXVII. Parte II. F. I. P. 4 (anno 1385).
- 2 *Giamboni B.* Il libro de' vizi e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi. Ed. C. Segre, Torino, 1968. Флорентиец Боно Джамбони жил во второй половине XIII в. и был широко известен, скорее, не как оригинальный автор, но как выдающийся переводчик с французского и латыни на народный итальянский язык (*volgare*). В частности, он перевел сочинение Вергезия «Об искусстве войны», трактаты Павла Орозия и много других произведений.
- 3 *Ibid.* V. P. 126.
- 4 *Ibid.* VI. P. 127.
- 5 *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 120. Кавальканти писал, что «благоразумие есть главная доблесть, которая больше всего нужна тому, кто управляет республикой, а самой главной ее составляющей является память (*Memoria*). По воле Бога она обретается в голове, которая властвует над всеми другими частями тела, поэтому и память является властелином и главой всех других составных частей рассматриваемого благоразумия».
- 6 К этому типу относятся элементы хроники в ставших хрестоматийными текстах семейных книг Донато Веллутти, Джованни Морелли, отчасти Бонаккорсо Питти. См.: *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914; *Morelli G.* Ricordi. A cura di V. Branca. Firenze, 1956; *Pummu B.* Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской. Л., 1972.
- 7 *Diario Compagnano* // Corazzini G. O. I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887; этот текст также опубликован: *Cronaca seconda d' Anonimo / A casa di Gino*

- Scaramella // *Rerum Italicarum Scriptores*. Т. XVIII. P. III. Il tumulto dei ciompi. Cronache e Memorie. Bologna, 1917; *Diario d'anonimo fiorentino // Alle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382–1401)*. Firenze, 1986.
- 8 *Виллани Д.* Новая хроника или история Флоренции / пер., статья и прим. М. А. Юсима. М., 1997; *Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / per cura di F. Costèro*. Milano, 1880; *Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // *Rerum Italicarum scriptores*. A cura di N. Rodolico. Т. XXX. Città di Castello, 1903.
- 9 *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 117.
- 10 *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento // ed. A. Schiaffini*. Firenze, 1954. Это одна из наиболее ранних среди дошедших до нас хроник XIII в. Для неизвестного автора, обозначаемого Псевдо-Брунетто, потому что хронико долго приписывали флорентийскому юристу и мыслителю Брунетто Латини, свойственно универсальное видение мира, поскольку большую часть его текста представляли сменяющие друг друга описания деяний пап и императоров.
- 11 *Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405*. A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904.
- 12 *Baron H.* The Crisis of the early Italian Renaissance. Princeton, 1966. P. 171.
- 13 *Dati G.* Istoria di Firenze. Libro V. 90. P. 70–71.
- 14 *Ibid.* Libro III. 35. P. 37.
- 15 *Ibid.* Libro IX. 180. P. 140
- 16 *Ibid.* Libro IV. 70. P. 59–60.
- 17 *Ibid.* P. 60.
- 18 *Compagni D.* La cronica delle cose occorrenti ne'tempi suoi / per cura I. Del Lungo. Milano, 1913; *Villani M.* Cronica di Matteo Villani. Firenze, 1826; *Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // *Rerum Italicarum scriptores*. A cura di N. Rodolico. Т. XXX. Città di Castello, 1903.
- 19 Исторические труды Джованни Кавальканти: *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine / a cura di F. Polidori. Firenze, 1838. Т. I–II. «Новый труд» впервые был опубликован Ф. Полидори под названием «Вторая история» (Seconda Storia). В статье используется последующее издание, подготовленное французским историком А. Монти и озаглавлено издателем «Новый труд» (*Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989). Последнее произведение представляло собой третью часть манускрипта, посвященного истории рода и персональной истории Джованни Кавальканти. «Политико-моральный трактат» – последняя часть записей в семейных книгах Кавальканти, – содержит оригинальное сочинение, в котором мораль и политика тесно связаны. См.: *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
- 20 *Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 230.
- 21 *Ibid.* P. 231, 232, 235.
- 22 *Grendler M.* The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. P. 88.
- 23 *Monti A.* Introduction // *Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989. P. XIV.
- 24 *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale P. 146.
- 25 *Ibid.* P. 120. Джино ди Нери де Каппони (1350–1421 гг.) приходился отцом Нери Каппони и дедом Джино Каппони, которого Кавальканти наставлял в своем трактате.
- 26 *Ibid.* P. 120, 139–141, 203–204. Эта тема обычно выражается в виде антитезы: блестящее прошлое – извращенное настоящее: «Подумай, сколь счастлива была в то время республика, и в какой нужде ты видишь ее теперь, погруженную в пучину всяческих зол» (*Ibid.* P. 140).
- 27 См. подробнее: *Краснова И. А.* Практика историописания в городской среде Флоренции XV в. : опыт Джованни ди Филиппо Кавальканти // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 48–49.
- 28 *Dati G.* Il libro segreto/ a cura di C. Gargioli. Bologna, 1869. Книга относится к широко распространенному в среде деловых людей Флоренции жанру «семейных книг»; название «секретная» она получила, видимо, по той причине, что на ее страницах фиксировались точные суммы прибылей и убытков, которые обычно утаивались от городской и цеховой администрации ради снижения налоговых квот.
- 29 *Ibid.* P. 17, 18, 20, 23, 26, 28, 52, 55, 58.
- 30 *Ibid.* P. 19, 46, 48, 118, 120. Он писал, что «все время озабочен тем, чтобы вывести деньги из состояния, когда их невозможно увеличить, но скорее понести на них убыток» (P. 48).
- 31 *Ibid.* P. 24, 33, 59, 81.
- 32 *Monti A.* Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434). Lille, 1983. Т. I–II.
- 33 *Dati G.* Il libro segreto. P. 79, 94, 95, 97, 98. Он упоминал посты инспектора по сбору габеллы в Пизе, распорядителя строительством госпиталя, одного из смотрителей контадо, подеста в Париджи Корбинелли, Подеста в Монтале, инспектора женских монастырей, контролера рынка.
- 34 *Ibid.* P. 71–72, 111–113.
- 35 *Ibid.* P. 68, 69, 70, 72, 73, 81–85.
- 36 Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции – «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153. О том же свидетельствует хроника Малиспини: *Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / per cura di F. Costèro*. Milano, 1880. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105. Согласно исследованиям современных итальянских историков, Кавальканти во второй половине XII в. уже входили в узкий круг политической элиты, избирались в консулат, в следующем столетии они находились в числе лиц, управляющих гвельфской партией. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 112–113.
- 37 *Grendler M.* Op. cit. P. 14–15.
- 38 *Ibid.* P. 15. Об эволюции аграрных отношений в XV в. см.: *Fiumi F.* Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio storico italiano. CXVI. 1958. P. 423–448.
- 39 *Grendler M.* Op. cit. P. 15–16.

- ⁴⁰ О том, насколько подобные компендиумы были популярны в XV в. см.: *Zambrini F.* *Le opera volgari a stampa dei secoli XII e XIV.* Bologna, 1878. P. 269–273; *Garin E.* *Storia della filosofia italiana.* Torino, 1966. I. P. 231–237; *Martines L.* *The social World of the Florentine Humanists (1390–1460).* Princeton, 1963. P. 283–285, 326.
- ⁴¹ *Compagni D.* *Cronica.* Libro II. 19. P. 107–109.

- ⁴² *Ragone F.* *Giovanni Villani e i suoi continuatori.* P. 189–191, 195–196.
- ⁴³ *Ibid.* P. 197–198.
- ⁴⁴ *Weiland C.* «Libri di famiglia» und autobiographie in Italien zwischen Entwicklung des Schreibens über sich selbst. Tübingen, 1993.

УДК 655.11(437.10)|1517/1519|+929Франциск Скорина

ФРАНЦИСК СКОРИНА В ПРАГЕ (1517–1519 годы)

Е. Н. Многолетняя

Саратовский государственный университет
E-mail: elenamnooletnjaja@rambler.ru

В статье рассматривается пражский период издательской деятельности белорусского просветителя Франциска Скорины. Автор выявляет причины его пребывания в Праге, место расположения его типографии, количество изданий кирилловского шрифта, напечатанных белорусским просветителем.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, первопечатник Франциск Скорина, книги кирилловского шрифта.

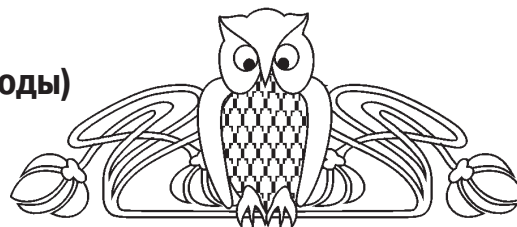
Francisk Skorina in Prague (1517–1519)

Е. N. Mnooletnyaya

The article deals with the period of the Prague publication activities Belarusian enlightener Francisk Skorina. The author reveals the reasons for his stay in Prague, the location of its printing house, quantity editions in Cyrillic font printed Belarusian enlightener.

Key words: book printing in the Bohemia, the first book printer Francisk Skorina, books in Cyrillic font.

В первой четверти XVI в. в Праге развернулась бурная, до сих пор хранящая в себе много тайн, деятельность белорусского просветителя и первопечатника Франциска Скорины. Именно здесь, в экономическом, политическом и культурном центре Чешских земель, Скорина стал печатать свои славянские книги кирилловским шрифтом – алфавитом русской и славянской православной культуры. Принято считать, что язык Ф. Скорины – это своеобразный тип церковно-славянского белорусского письменного языка, аналога которому невозможно отыскать ни у одного из славянских народов. В связи с этим, естественно, возникает вопрос о том, почему им была избрана именно Прага. Ответить на него неоднократно пытались исследователи разных стран и поколений. Первым чешским исследователем, занимавшимся типографской деятельностью Ф. Скорины в Праге был выдающийся славист конца XVIII – начала XIX в. Йозеф Добровский. В Праге, в библиотеке графа Вратислава из Мировиц, ученый нашел неизвестные прежде издания Скорины, точнее, группу изданий, переплетенных вместе. Так был впервые найден свод виленских изданий Скорины, кото-

рые библиографы впоследствии назвали «Малой подорожной книжкой». Поначалу Й. Добровский посчитал, что типография Ф. Скорины находилась в предместье Варшавы – польской Праге. Об этом он писал в письме к своему учителю и другу Вацлаву Фортунату Дуриху (1733–1802), датированном 23 мая 1791 г.¹ Но уже через два года он приходит к выводу, что Скорина печатал свои книги не в маленьком местечке под Варшавой, как он думал раньше, а в «нашей Праге». Он так и писал – «наша Прага» в письме к Дуриху от 4 февраля 1793 г. из Оломоуца².

В одном из своих последующих писем от 1 февраля 1795 г. Й. Добровский пытался объяснить, каким образом получилось так, что восточнославянские книги печатались в столице Чехии³. Основание здесь типографии он связал с инициативой польского короля Сигизмунда I и его пребыванием в 1515 г. в Праге. Эта версия была обоснована в книге Й. Добровского «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию, предпринятом в 1792 г. по инициативе Богемского научного общества»⁴.

Первым русским исследователем и биографом Ф. Скорины был П. В. Владимиров. Его докторская диссертация, защищенная в 1888 г., была посвящена деятельности Франциска Скорины. Вышедшая вскоре после защиты монография «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык»⁵, несмотря на относительно небольшой объем (12 авторских листов), по сей день остается наиболее обстоятельным и хорошо документированным трудом в области скориноведения⁶.

Вопрос о том, что привело Скорину в Прагу, был обстоятельно рассмотрен А. С. Мыльниковым. Исследователь, вслед за Й. Добровским, обращает внимание на то, что в Чехии существовала давняя традиция перевода Библии на национальный язык. В чешской рукописной традиции известно 25 полных переводов Библии, 27 переводов Ветхого и 35 Нового Завета, 22 перевода Псалтыри, 17 – Евангелия. К моменту приезда Ф. Скорины в Прагу вышло в свет три печатных